

Шэнь Чан Ань замер на мгновение, переваривая услышанное. Потом повернулся к Гао Шу Цзюань и искренне сказал:

- Тётя Цзюань, Вы правы. Я слишком просто всё представлял. Не подумал.

- Ничего страшного, - Гао Шу Цзюань, наоборот, принялась утешать его. - Ты здесь ещё немного поработаешь, и сам увидишь много такого, с чем раньше не сталкивался. Не бери в голову.

Шэнь Чан Ань криво улыбнулся, но спорить не стал. Он отвернулся от окна, стараясь больше не смотреть на Сунь Цзя и его безмолвный диалог с деревом, и зашёл в комнату.

Там уже были Чэнь Пань Пань и Сюй Цзэ. Сюй Цзэ, по своему обыкновению, в позе мыслителя, подперев голову рукой, изучал развёрнутую газету. Чэнь Пань Пань, высунув кончик языка от усердия, заполняла какой-то длинный формуляр.

- Чан Ань, пришёл! - обрадовалась она, увидев его, и отложила ручку. - Ну что, того мужчину, который в обед прыгать собрался, спасли?

- Спасли, - Шэнь Чан Ань плюхнулся на своё кресло. - А ты откуда уже знаешь?

- Да у нас тут, - Чэнь Пань Пань скривила губы. - Любое событие за полдня весь город облетает. Слухи, сплетни - всё моментально разносится, - она понизила голос. - И уже всякую чушь несут: мол, на мужика бес нашёл, потому он и полез. Призраки, понимаешь ли.

- Да какие призраки, - фыркнул Шэнь Чан Ань, выживая из ящика стола потрёпанную брошюру по духовно-нравственному воспитанию. - Если бы они и были, то солнца должны бояться. Во всех фильмах так: пропел петух, взошло солнце - и вся нечисть разбегается. А сегодня в обед такое пекло стояло, что асфальт плавился. Если бы там реально черти водились, вопрос: кто кого хотел убить - мужик себя или черти самоубиться решили?

- О, - Чэнь Пань Пань оживилась и схватилась за телефон. - А это хороший аргумент! Я сейчас пойду в чат и этим долбо... этим товарищам, которые про чертей городили, так и скажу! Пусть знают!

- В спорах, - Шэнь Чан Ань перелистнул страницу методички, даже не взглянув на неё. - Люди редко переубеждают друг друга. Чаще просто разжигают ссору, а потом оба ходят злые, как черти, - он поднял взгляд на Чэнь Пань Пань и спокойно, с расстановкой, произнёс: - Запомни: "Пусть другие злятся, а я злиться не стану. Ведь если от злости заболеешь, никто за тебя болеть не будет" (1). Лучше вместо тысячи слов написать просто: "Ага" или "Ну, допустим". Или: "Ты, как всегда, прав". И дело с концом.

- А я-то думала, ты скажешь: "Если можешь дать в морду - не трать время на слова", -

удивилась Чэнь Пань Пань, но послушно стёрла набранный было гневный ответ и отправила ёмкое: "Ага, ну допустим, ты как всегда прав".

- Я же дитя девятилетки (2), приличный, воспитанный человек, - Шэнь Чан Ань ткнул пальцем в разворот брошюры, где крупными иероглифами было напечатано: "Гармония превыше всего" (3). - Зачем мне руки распускать? Я за мир во всём мире. И мир, надеюсь, ко мне тоже с уважением.

Чэнь Пань Пань ошеломлённо уставилась на нег:

- ...

Ну да, Чан Ань у нас, конечно, парень видный, статный, красивый, спору нет... но наглости, или, скажем так, здорового пофигизма, ему не занимать.

Около трёх часов дня Шэнь Чан Ань услышал со двора женский плач - не просто всхлипывания, а настоящие, душераздирающие рыдания. Он встал и подошёл к балкону.

Внизу, у того самого большого дерева, стояла женщина с наполовину седыми волосами, собранными в небрежный пучок. Она трясла за руку Сунь Цзя и сквозь слёзы уговаривала его:

- Цзя Цзя, послушайся, пойдём домой со мной, а? Пойдём, сыночек!

Но Сунь Цзя стоял как каменный, не двигаясь с места. Он даже не смотрел на мать. Его отсутствующий, остекленевший взгляд был устремлён куда-то в крону дерева, а губы беззвучно шевелились, бормоча что-то своё, известное только ему одному.

Видя это, женщина, мать, вдруг обессилена разжала пальцы, выпустила его руку и - рухнула прямо на землю, на пыльный асфальт. И зарыдала, завывала в голос, уже не сдерживаясь, не стесняясь ни прохожих, ни своего больного сына. Это был крик отчаяния, достигшего самого дна. Казалось, все годы непосильного груза, боли, страха и безнадёжности, что она тащила на своих плечах, вдруг разом обрушились на неё, сломав последний хребет, и теперь она лежала, раздавленная, и кричала, захлёбываясь слезами.

- Цзя Цзя! - кричала она, задыхаясь. - Твой отец заболел, тяжело заболел! А если так дальше пойдёт, если мы с отцом умрём, ты что делать будешь?! Кому ты будешь нужен?! А?!

Бессмысленный, непонимающий юноша, стоящий столбом и бормочущий с деревом. И старая, согнутая годами и горем женщина, рыдающая у его ног. Отчаяние накрыло их, как густая тень от того самого дерева, под которым они стояли. Тень падала на них, делая их фигуры какими-то нереальными, призрачными. Шэнь Чан Ань, глядя на эту сцену сверху, почувствовал, что никогда, ни за что не сможет до конца понять, что она чувствует, что они оба чувствуют. Чужая боль - она и есть чужая.

Внутри у него всё сжалось. Первым порывом было броситься вниз, помочь, утешить, сделать хоть что-то. Но какая-то внутренняя сила, почти интуиция, удержала его на месте. Не сейчас. Не надо. Там, внизу, сейчас происходит что-то слишком личное, слишком интимное, чтобы вмешиваться постороннему.

Так он и стоял, молча, пока женщина, наконец, не выплакалась, не поднялась с колен, не взяла своего потерянного сына за руку и не повела его прочь со двора. Они уходили медленно, мать – согнувшись ещё сильнее прежнего, сын – всё так же безучастно глядя перед собой. Их тени на раскалённом асфальте сливались в одно причудливое, уродливое пятно.

Когда рабочий день подошёл к концу и коллеги разошлись, Шэнь Чан Ань, как всегда, задержался, чтобы проверить, всё ли выключено и заперто. Он защёлкнул замок на двери кабинета и начал спускаться по лестнице. Но на полпути его ноги сами собой остановились. Он снова, сам не зная зачем, повернул голову и посмотрел в сторону того самого большого дерева, к которому днём приходил Сунь Цзя.

---

1. 让别人生气我不生气 (biérénshēngqìwǒbùqì, qìchūbìnglái wúrén tì) – литературный перевод – "Пусть другие злятся, а я злиться не стану. Ведь если от злости заболеешь, никто за тебя болеть не будет" – современная народная поговорка, часто встречающаяся в рекомендациях по психологической саморегуляции и даже в песнях. Выражает идею важности душевного спокойствия и неистрачивания нервов на пустые конфликты.

2. 九年义务教育 (jiǔnián yìwù jiàoyù de hǎoháizi) – литературный перевод – дитя девятилетки – ироничное самоназвание, отсылающее к системе обязательного девятилетнего образования в Китае. Фраза "хороший ребёнок, прошедший девятилетку" подразумевает, что человек усвоил базовые нормы морали и социального поведения, поэтому не станет опускаться до драк и ругани. Используется здесь с самоиронией.

3. 和气为贵 (yǐ hé wéi guì) – литературный перевод – гармония превыше всего – конфуцианская максима, одно из ключевых понятий китайской этики и философии. Буквально: "Считать гармонию самым ценным". Выражает идею, что в любых отношениях – семейных, общественных, международных – главной целью должно быть достижение гармонии, согласия, избегание конфликтов. Часто используется в бытовом и официальном дискурсе.

<http://bllate.org/book/16518/1503538>